

Переводом еще одного военно-научного сочинения порадовал читателей крупнейший знаток военного искусства Византии В.В. Кучма¹. Рецензируемое издание представляет собой впервые предпринятый в отечественной литературе перевод трактата “О стратегии” на русский язык, осуществленный по вашингтонскому изданию 1985 г.² Тексту трактата предшествует обширная вводная статья, являющаяся результатом многолетних исследований ученого в области греко-римско-византийской полемологии. Вместе с тем перевод сочинения снабжен глубокими и подробными комментариями, способствующими не только раскрытию эвристического потенциала материала трактата, но и в силу своей ясности значительно расширяющими круг читателей.

Во введении к трактату³, издатель уделил особое внимание истории его изучения. Указав на существенный временной и научный разрыв между первым изданием трактата “О стратегии” осуществленным А. Кэхли и В. Рюстовым⁴ и современным состоянием источниковой базы и историографией предмета рассмотрения, В.В. Кучма с присущей ему основательностью обосновывает собственный выбор текста для перевода (с. 5–6, 8–9). Исследователь указал, что греческий текст и английский перевод трактата, приведенные в издании Дж. Денниса, учитывают результаты аналитической работы проведенной Т. Эрком, подготовившим в 1937 г. критическое издание трактата Анонима в качестве докторской диссертации, и О.Л. Сполдингом младшим; все случаи конъектур отражены в критическом аппарате. В.В. Кучма отметил, что в качестве основополагающей в вашингтонском издании взята рукопись *Mediceo-Laurentianus graecus LV-4*; для реконструкции отсутствующих в рукописи разделов Дж. Деннис привлекал другие манускрипты⁵.

Во вступительном разделе, солидаризируясь с Дж. Денисом по вопросу структуры трактата, В.В. Кучма вступает в активную полемику с исследователями, стремившимися расширить и изменить архитектуру сочинения Анонима, изданного А. Кэхли и В. Рюстовым. Как отмечает В.В. Кучма, в научной литературе XIX в. К.-К. Мюллером и М. Иенсом впервые было высказано предположение о том, что основной комплекс трактата, включавший в себя 43 главы, является частью крупного универсального военного руководства, оказавшегося расчлененным в рукописной традиции на три отдельных фрагмента. Первый и наиболее значительный из фрагментов был опубликован А. Кэхли и В. Рюстовым, второй – известный в литературе под названием “*Περὶ τοῦ ἐλάσ*”, третий – принадлежавший неизвестному автору фрагмент о морской войне⁶ (с. 11). Выдвинув предположение о принадлежности фрагментов одному и тому же автору, исследователи считали логичным размещение раздела “О стрельбе из лука”, как раздела посвященного обучению воинов, после XVI главы Анонима, содержащей описание вооружения воинов; фрагмент о морской войне как реализацию обещания в XIV главе (с. 81–82 рецензируемого издания). Существенной критике автора рецензируемой книги была подвергнута концепция К. Цукермана⁷, не только подтверждавшая, но и усилившая концепцию К.-К. Мюллера и М. Иенса. Основываясь на своих широких знаниях в обла-

¹ Трактат “О стратегии” – это уже третье издание византийских полемологических трудов, вышедшее за последние несколько лет из под пера В.В. Кучмы. См.: Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб., 2002; Стратегикон Маврикия / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб., 2004.

² The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy // Three Byzantine Military Treatises. Text, translation and notes by G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 1–136.

³ Вводная статья рецензируемой книги в основном базируется на тексте статьи В.В. Кучмы: “Византийский Аноним VI в.”: основные проблемы источников и содержания // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. Научное издание. СПб., 2001. С. 208–242 (см. более раннее издание той же статьи в: ВВ. 1980. Т. 41).

⁴ Des byzantiner Anonymous Kriegswissenschaft // Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. Theil 2: Die Tactiker. Abt. 2. Lpz. 1855.

⁵ The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy // Three Byzantine Military Treatises. Text, translation and notes by G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 4–7.

⁶ Как отметил В.В. Кучма, А.Дэн полагал, что автором военно-морского сочинения был Сириан Магистр (с. 12, примеч. 31.)

⁷ Zuckerman K. The Military Compendium of Syrianus Magister // JÖB. 1990. 40. S. 209–224.

сти истории военного искусства и военной истории, В.В. Кучма логично обосновал несостоятельность концепции К. Цукермана (с. 13–16). Вместе с тем следует заметить, что, как нам представляется, логика рассуждений исследователя в пассажах введения по вопросам обоснованности концепции К.-К. Мюллера и М. Иенса (с. 11, 16), а также собственно слабо аргументированное и даже противоречивое⁸ обоснование согласия со структурой текста, предложенной в Вашингтонском издании (включившем в качестве XLIV–XLVII глав раздел “О стрельбе из лука”), свидетельствуют о неопределенности собственной позиции В.В. Кучмы по вышеобозначенным проблемам структуры трактата.

Решение вопроса об авторстве трактата, предложенное В.В. Кучмой, выглядит вполне обоснованным. Аналитический обзор выдвинутых его предшественниками суждений о принадлежности текста сочинения перу конкретных исторических личностей (Сириан Магистр, с. 13–14), профессиональных офицеров, имевших опыт в строительстве фортификационных сооружений (с. 17), или же военных инженеров, принимавших участие в дунайских походах (с. 17–18), в совокупности с проведением скрупулезного анализа содержания произведения на предмет его эвристического потенциала по указанному вопросу подвигнул В.В. Кучму логично ограничиться определением автора – лицом, принадлежавшим к сословию военных специалистов (с. 19).

Без внимания исследователя не был оставлен и вопрос о значении анализируемого военно-научного руководства в серии памятников греко-римско-византийской полемологии. Характеризуя содержание трактата с точки зрения развития военно-научного знания, В.В. Кучма указал, что трактат не стал эпохой в военной науке, не оказал сильного влияния на последующую традицию в силу того, что вся система методологических принципов Анонима, его теоретических построений, доктринальных воззрений целиком базируется на концепциях военной науки античности⁹ (с. 7). Отмечая степень воздействия на последующую полемологическую традицию, упрекнув в излишней категоричности Р. Вари, всецело отрицавшего какую-либо взаимосвязь сочинения Анонима и “Стратегикона Маврикия”, исследователь указал на существование лишь “точек соприкосновения” двух названных трактатов. В.В. Кучма пояснил, что такой характер жизнестойкости установок Анонима легко объясним быстрой инфляцией информации трактата, обращенного в своих концептуальных положениях в прошлое (с. 8). В этой связи следует заметить, что оставшиеся без пояснения и комментариев многочисленные “точки соприкосновения”, указанных трактатов, обозначенные в комментариях к переводу самим же В.В. Кучмой, наводят на мысль о том, что ученый недооценил значение собственных наблюдений как аргументов в процессе решения вопроса о связи текстов (с. 53, примеч. 224; с. 62, примеч. 245; с. 63, примеч. 246; с. 64, примеч. 249; с. 65, примеч. 253; с. 66, примеч. 255; с. 80, примеч. 300; с. 96, примеч. 346; с. 104, примеч. 366; с. 135, примеч. 433; с. 138, примеч. 442; с. 139, примеч. 443; с. 142, примеч. 451; с. 143, примеч. 454). Указанная взаимосвязь может быть объяснена не только долговечностью практичных и легко применяемых тактических приемов, включенных в число консервативных, в силу их универсальности, методов сопротивления противнику, но и длительностью процесса отмирания прежних греко-римских принципов военной организации, характерных не только для эпохи Анонима, но и автора “Стратегикона Маврикия”¹⁰.

⁸ На фоне объемной критики концепции К. Цукермана обоснование В.В. Кучмой собственной позиции отсутствием «особой разницы между фрагментом об обучении лучников и основной частью текста “De re strategica” с точки зрения лексических и стилистических характеристик» представляется нам не конкретным при решении подобного рода вопросов. Таким же образом выглядит и согласие со структурой текста трактата, предложенной Дж. Деннисом, наряду с вполне логичным замечанием автора рецензируемой книги о том, что более органично фрагмент “О стрельбе из лука” вписывался бы в раздел, посвященный характеристике вооружения пехотных контингентов (с. 16).

⁹ Анализируя материал глав XV, XVIII, XXI–XXIV, XXXI, исследователь пришел к выводу о том, что главным источником Анонима по приведенным разделам являлись военно-научные труды Асклепидота, Элиана и Ариана (с. 82–83, примеч. 305).

¹⁰ В связи с указанным отметим, что, по мнению Дж. Хэлдона, изменения в юстиниановской системе управления и соответственно военной организации наметились не ранее начала VII в. *Haldon J. Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of Culture. Cambr., 1990. P. 180.*

В вводной статье к сочинению Анонима в совокупности с основательным анализом исследователем представлены взгляды автора трактата по различным вопросам государственного управления, а также проблемам стратегии и тактики, выявляющие, по мнению В.В. Кучмы, особенности заключительного этапа развития греко-римской полемологии.

Анализируя вводные части сочинения Анонима, ученый акцентировал внимание читателя на понимании автором трактата военного искусства – как части искусства государственно-го руководства и военной науки – как государствоведения (с. 19). Суммарный материал I–III глав подтверждает мнение исследователя об обусловленности представлений Анонима “античным обществоведением” (с. 19). Затронутые в этих главах трактата проблемы государственного права, социологии и политической экономии, решенные автором в духе античных мыслителей¹¹, дают возможность составить представление об уровне духовной культуры средних слоев населения Византии. По словам В.В. Кучмы, Аноним представил нам “взгляд на общество изнутри, из середины... среднекультурный византиец донес до наших дней как бы моментальный снимок современного ему общества” (с. 23). Исследователь подчеркнул важность информации, имеющейся в трактате. По его мнению, ни один из памятников греко-римско-византийской полемологии не содержит столь развернутых разделов, посвященных социальному устройству общества (с. 23).

Можно полагать, что вопрос датировки трактата, получивший должное освящение В.В. Кучмой, для него определенно решен. Как следует из краткой характеристики трактата и общего одобряющего тона критики мнений А. Кэхли и В. Рюстова, А. Дэна, Дж. Денниса (с. 54, примеч. 227; с. 60, примеч. 239; с. 64, примеч. 250; с. 130, примеч. 423), ученый датирует его VI в. (с. 24–25). В связи с указанным можно заметить, что, согласно справедливому замечанию автора рецензируемого издания, пролить свет на вопрос датировки трактата могла бы информация о противниках империи, указывающая на современную внешнеполитическую ситуацию. Сведения Анонима на этот счет представляются крайне бедными. Следует согласиться с мнением В.В. Кучмы, указавшим, что имеющийся этнографический материал, а именно единичные упоминания арабов (с. 141) и персов, не содержат оценочных суждений автора, а посему и не дают возможности причислить арабов к врагам или друзьям империи (с. 25–26)¹².

Безусловно, вопрос датировки трактата, может быть дополнен и конкретизирован сопоставлением материалов по боевой практике, широко представленной в нарративах и многочисленных данных Анонима о современных ему стратегических установках и тактических приемах. В военно-стратегической концепции Анонима, по мнению В.В. Кучмы, преобладают защитные, оборонительные компоненты. По словам исследователя, автор трактата целиком поглощен разработкой рекомендаций в духе ответного удара. Исследователь объясняет такой подход автора к решению стратегических проблем общим характером внешнеполитической ситуации, в которой оказалась империя к концу периода царствования Юстиниана (с. 37–38, 44)¹³. Особое внимание исследователь уделил вопросам тактических наставлений Анонима. Дабы не сосредотачиваться на пересказе обширных авторских изысканий по данным проблемам, хотелось бы отметить, что все приведенные Анонимом рекомендации, в сопоставлении с достижениями предшествующей и последующей военно-научной мысли, исследователь анализировал с целью определения

¹¹ Автор особенно подчеркнул влияние на текст Анонима воззрений Аристотеля (с. 52, примеч. 221).

¹² Следует отметить, что позиция исследователя по приведенному вопросу претерпела изменение. В обобщающей источниковедческой статье В.В. Кучма указал, что среди врагов империи Анонимом названы арабы и персы. См.: *Кучма В.В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторические источники* // Кучма В.В. Военная организация... С. 38. Позиция Дж. Денниса по указанной проблеме представляется более гибкой. Однозначно утверждая невозможность определения арабов как врагов империи, исследователь указал, что вследствие их расселения за пределами Византии, в Сирии и Палестине, они сражались как на стороне ромеев, так и против них. *The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy*. P. 121. N 1.

¹³ Исследователь понимает эти принципы стратегии как идеологическое средство маскировки истинного положения дел посредством утверждения вынужденной и единственно возможной оборонительной доктрины. *Кучма В.В. Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины* // *Кучма В.В. Военная организация...* С. 88.

их традиционности и новаций (с. 25–51, а также комментарии к тексту трактата). Неоспоримые заслуги Анонима для последующего развития военно-научной мысли, а также элементы новаторства в целом исследователь видел в разработках следующих вопросов: сооружения и назначения протейхизм (с. 63, примеч. 247); организации демонстративных вторжений на вражескую землю (с. 65, примеч. 251); организации караульной службы, проработка критериев отбора солдат для этого рода службы (с. 66, примеч. 254–255); использования полотнищ и бытовых предметов для обороны крепостных стен (по замечанию В.В. Кучмы, указанная рекомендация почти текстуально воспроизведена в “Стратегиконе Маврикия”) (с. 79, примеч. 294–295); создания и применения специальных машин для борьбы с осадными машинами противников (с. 80–81, примеч. 300, 302); об организующих функциях урагов (с. 87, примеч. 313); организующего и дисциплинирующего значения сохранения порядка расположения воинов в лагере и их месте в боевом строю (с. 113, примеч. 382–383); использования индивидуального защитного вооружения для усиления защитного оборудования лагеря (с. 117, примеч. 394); применения сигнальных колокольчиков, аванпостов и специальной стратегемы для усиления безопасности лагерного расположения (с. 120–121, примеч. 403–405); организации ночных вылазок в расположение врага с целью ослабления его сопротивления на следующий день (с. 129, примеч. 422); расчленения вражеского войска с целью его последующего разгрома по частям (с. 130, примеч. 424); размещения кавалерии перед пехотной фалангой для создания видимости полностью кавалерийского состава войска (с. 135, примеч. 433); специального построения и перестроения фаланги, сражающейся против больших масс врагов (с. 136, примеч. 437); применение полускрытого резерва и триболов во время сражения и при тактическом отступлении (с. 138, примеч. 441–442); организации и проведения ночного боя (с. 139, примеч. 443); устройства и принципов применения фонарей (с. 140, примеч. 446); использования лиц обращавшихся к врагам на их языке с целью обмана (с. 141, примеч. 447); взаимодействия засадных подразделений с основной частью войск (с. 142, примеч. 451); организации и порядка работы системы раздевательной службы (с. 144, примеч. 457); организации порядка общения с послами иных государств и принципов работы собственной посольской службы (с. 146, примеч. 462).

В связи с указанным особенно хотелось бы подчеркнуть абсолютно обоснованное суждение ученого, отметившего, что в условиях жесточайшей внешнеполитической ситуации и перенапряжения внутренних сил империи Анонимом было создано сложное по структуре и богатое по содержанию сочинение. Автор трактата не только снабдил его значительным иллюстративным материалом, сопровождавшим рекомендации, изложенные его предшественниками, но и включил в него обширные, самобытные и оригинальные рекомендации сугубо практического характера, основанные на личном боевом опыте (с. 49).

Принципы перевода текста сочинения Анонима, которыми руководствовался автор рецензируемого издания, являются классическими (с. 51). Вполне допустимым исключением, оговоренным автором (с. 73, примеч. 271), считаем передачу всех числительных словами, а не цифрами. Обоснованным представляется принцип передачи ключевых лексем без перевода¹⁴. Текст трактата, как уже было указано, снабжен обширным комментарием, основное назначение которого, в соответствии с замыслом автора, обширные пояснения, а также выражение собственных суждений на фоне дискуссий с предшествующей историографией¹⁵ (в частности об адекватности перевода см. с. 93, примеч. 332; с. 96, примеч. 345; с. 103, примеч. 362), по вопросам номенклатуры военных должностей¹⁶, элементов вооружения и снаряжения, деталей и компонентов военно-инженерных сооружений, структурных единиц различных видов боевых построений, проблемам хронологического, этнографического и просопо-

¹⁴ Истинность избранного метода кажется обоснованной уже следующим примером. Название главы IX “Περὶ φρουρίων”, переведенное Деннисом на английский язык как “Forts”, существительным образом деконкретизирует военно-техническую денотацию приведенного термина. The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy. P. 29.

¹⁵ Следует обратить внимание на ограниченный характер историографии трактата, которой подчеркнул В.В. Кучма (с. 6–7).

¹⁶ В ряде случаев автор отсылает читателя к комментариям трактатов ранее вышедшего издания – Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб., 2002.

графического характера¹⁷. Существенным дополнением к уже перечисленным достоинствам рецензируемого издания являются “Указатель личных имен, географических и этнографических терминов” (с. 152) и “Предметно-терминологический указатель” (с. 153), ограниченные терминологией, содержащейся в тексте трактата.

Завершая краткий обзор рецензируемого издания, хочется подчеркнуть, что высокое качество перевода в сочетании с энциклопедическими экскурсами в области военной истории, истории военного искусства и социальной истории, а также обширными филологическими выкладками, по своей глубине соответствующими статусу специального исследования, многократно увеличивают эвристический потенциал материала военно-научных сочинений подготовленных к изданию В.В. Кучмой.

В.А. Золотовский

Арутюнова-Фиданян В.А. “Повесть о делах армянских” (VII в.). Источник и время. М.: Индикс, 2004. 272 с. илл. и карта.

Новая книга В.А. Арутюновой-Фиданян, посвященная одному из немногих сохранившихся памятников армяно-халкидонитской литературы, находится на пересечении ее главных и давних творческих интересов: изучение армянской православной общины в Армении и странах византийского культурного круга¹ и исследование магистральных социо-культурных процессов в армяно-византийских лимитрофах².

Монография состоит из двух частей. Первая – собственно исследование источника и времени его создания (предисловие, три главы, заключение и резюме на английском языке), вторая содержит текст (критический текст по изданию Ж. Гаритта), перевод (впервые выполненный на русском языке) и обширный комментарий, а также указатели и иллюстрации.

Первая часть включает предисловие, три главы и заключение. Фундаментальный труд Ж. Гаритта³ рассматривается в монографии В.А. Арутюновой-Фиданян как итог трех столетий изучения “Повествования” (середина XVII – середина XX в.), а также возможность для дальнейшего исследования, но отнюдь не как его завершение⁴. Автор приводит краткий обзор рукописей, переводов, а также исследует основные проблемы, которым посвящен труд Ж. Гаритта (происхождение источника, личность автора (или редактора), дата создания и пе-

¹⁷ Обширные постраничные комментарии В.В. Кучмы существенно выигрывают на фоне единичных и крайне ограниченных пояснений размещенных Дж. Деннисом по окончании глав: *The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy*. 6 (p. 23), 8 (p. 27), 11 (p. 33), 12 (p. 37), 13 (p. 43), 14 (p. 47), 16 (p. 57), 18 (p. 61), 19 (p. 69), 20 (p. 71), 23 (p. 77), 25 (p. 83), 29 (p. 91), 40–41 (p. 121), 43 (p. 127), 44 (p. 129), 46 (p. 133), 47 (p. 135). “Общие места” комментариев В.В. Кучмы и Дж. Денниса, вызванные очевидной неизбежностью, обнаружены в рецензируемой книге лишь в четырех случаях (в главах III, XIV, XIX, XX), что еще раз подчеркивает значение пояснений и масштабность исследовательской работы проделанной В.В. Кучмой.

¹ В.А. Арутюнова-Фиданян предложила концепцию армяно-халкидонитской общины X–XI вв. в двух монографиях и десятках статей (Типик Григория Пакуриана / Введение, пер. и коммент. В.А. Арутюновой-Фиданян. Ереван, 1978; *Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.)*. Ереван, 1980).

² *Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.)*. Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

³ *La Narratio de rebus Armeniae / Edition critique et commentaire par G. Garitte*. Louvain, 1952.

⁴ Именно это, как показывает исследовательница, и происходило с “Повествованием” в течение последних пятидесяти лет после публикации Ж. Гаритта (с. 12–13). К примеру перевод Р. Бартияна сопровождается короткими ссылками и несколькими страницами предисловия, с отказом от исследования памятника, “так как замечательный труд Ж. Гаритта освобождал от этого” (*Бартиян Р.М. “Narratio de rebus Armeniae”* – армяно-халкидонитский первоисточник, дошедший до нас в греческом переводе // *Вестник Матенадарана*. 1962. № 6. С. 457–470 (на арм. яз.). Ср. также: *La Narratio de rebus Armeniae*. Traduction française par J.-P. Mahé // *REA*. 1994–1995. Т. 25. Р. 429–438.